

1М//470344(039)

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ:
СИСТЕМО-ОПИСАТЕЛЬНЫЙ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Сборник научных трудов

В двух частях

Часть 2

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2014

Нацыянальная
бібліятэка
Беларусі

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры белорусского литературоведения
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»
З.И. Мельникова

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры белорусского языка
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»
О.А. Лещинская

Редакционная коллегия:

**Л.А. Годуйко, Л.Н. Грицук, С.А. Королевич,
Г.В. Писарук, Т.В. Сенькевич, А.Ю. Яницкая**

Под общей редакцией

заведующего кафедрой общего и русского языкознания
кандидата филологических наук, доцента
О.Б. Переход

С 47 **Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования** : сб. науч. тр. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; редкол.: Л.А. Годуйко [и др.] ; под общ. ред. О.Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2014. – Ч. 2. – 292 с.
ISBN 978-985-555-204-9 (ч. 2).
ISBN 978-985-555-202-5.

Сборник составлен по итогам работы VI Международной научно-методической конференции (Брест, 21–22 ноября 2013 г.), посвященной изучению славянских языков в синхроническом, диахроническом и историческом аспектах. Статьи представлены на русском, белорусском, украинском и польском языках.

Адресуется широкому кругу славистов – научным работникам, преподавателям, аспирантам, учителям, студентам филологических специальностей.

УДК 811.16(082)
ББК 80я43

ISBN 978-985-555-204-9 (ч. 2)
ISBN 978-985-555-202-5

© УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», 2014

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

С.В. Венідзіктаў (г. Магілёў, Беларусь)

**ЭТЫМАЛАГІЧНЫ І ФУНКЦЫЯНАЛЬНЫ АСПЕКТЫ
КАДЫФІКАЦЫІ КРЫЛАТЫХ СЛОЎ**

Крылатыя словы – гэта разнастайныя па змесце і граматычным афармленні ўстойлівыя выразы і асобныя словы, якія шырока распаўсюджаны ў маўленні і паходзяць з літаратурных крыніц, фальклорных тэкстаў (міфаў, легенд, казак, анекдотаў і інш.), а таксама з вусных выказванняў знакамітых людзей [9]. У беларускай філалагічнай традыцыі “крылатыя” нярэдка называюцца і такія трапныя выразы літаратурнага паходжання, якія не з’яўляюцца шырока ўжывальнымі (ці ўвогуле ўстойлівымі), але дзкуюць глыбіні думкі і выразнай слоўнай форме маюць т.зв. “патэнцыйную крылатасць” [4, с. 14].

Крылатыя выразы характарызуюцца як трапнасцю выказанай думкі, так і лакалічнасцю ўобразнасцю сродкаў яе моўнага выражэння. У выслоўях філосафаў, вучоных, пэемнікаў, дзяржаўных і палітычных дзеячаў і іншых вядомых асоб кандэнсуюцца вынікі пазнавальнай дзейнасці чалавека. Крылатыя выразы – гэта выказанні ў літаратурнай форме “готовыя” абагульненні чалавечага вопыту, ёмістай абазначэнні сацыяльных і прыродных з’яў, выражэнні пачуццяў і г.д. Яны даюць магчымасць выразна і каратка ахарактарызаваць тыпы і характары людзей, адносіны паміж імі, выказаць свае эмоцыі і ацэнкі. Крылатыя выразы адгрываюць у мове такую ж ролю, як фразеалагізмы і прыказкі, але адрозніваюцца ад іх “яшчэ не сцёртым адбіткам індыўдуальнай творчасці” (паводле В.У. Вінаградава) [1].

У сучаснай лінгвістыцы не існуе адназначнага разумення моўнай прыроды крылатых выказаў. Паводле аднаго пункту гледжання, вядомасць аўтара (крыніцы) пэўнага выразу, што набыў “крылатасць” (стаў масава ўзнаўляцца ў маўленні), уключаецца ў структуру яго плану зместу як дадатковае, экспліцытна не выяўленае значэнне “аўтарытэту крыніцы”, патрэба “захаваць” якое (г.зн. спаслацца на чый-небудзь аўтарытэт) і прымушае ўзнаўляць крылаты выраз у дадзенай форме і ў дадзеным сэнсе [7, с. 84]. У гэтым выпадку наяўнасць “лакальнай асацыяцыі з аўтарам (крыніцай)” разглядаецца ў шэрагу ўласна лінгвістычных фактараў узнаўляльнасці і ўстойлівасці крылатага выразу як моўнай адзінкі [6, с. 10]. Зыходзячы з процілеглага меркавання, менавіта наяўнасць аўтара не дазваляе разглядаць крылатыя выразы ў якасці адзінак мовы, што “прынцыпова не маюць аўтара”, бо, “як толькі якое-небудзь слова пачынае паўтарацца як “чыё-небудзь”, яно адразу набывае характар своеасаблівага маўленчага твора, адасабліваецца ад сістэмы мовы: для поўнага ўключэння ў гэтую сістэму патрабуецца страта якіх бы то ні было “аўтарскіх” правоў на яго” [8, с. 21]. У гэтым сэнсе прынята лічыць, што менавіта абавязковае ўсведамленне індыўдуальна-аўтарскага паходжання і ўзнаўленне крылатых выказаў у маўленні як нечага “чужамоўнага” незалежна ад таго, з’яўляецца крыніца выразу вядомай альбо забытай, абумоўлівае іх няўласна моўную прыроду.

Нярэдка крылатыя выразы змяшчаюцца ў слоўніках фразеалагізмаў ці прыказак без спасылкі на іх літаратурнае паходжанне. Параўн., напрыклад, з даведнікам бе-

Литература

1. Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.) : сб. / сост. В.В. Колесов. – М. : Совет. Россия, 1989. – 463 с.
2. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2000. – 544 с.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989.
4. Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина. – М. : Худ. лит., 1988. – 431 с.
5. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – М. : ОЛМА-Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

И.П. Кудреватых (г. Минск, Беларусь)

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Художественный текст – это сложная система взаимодействующих элементов разных уровней языка, которые устанавливают повествовательную перспективу художественного текста, связанную с грамматико-стилистическими категориями «образ автора», «образ повествователя», «образ читателя», с категорией времени, пространства и др. Виды повествовательной перспективы определяются в содержательно-структурной организации художественного текста: это может быть всеобъемлющая перспектива, или неограниченная, и ограниченная, или концентрическая [3]. Рассмотрим эти типы повествования на примерах произведений Ю. Нагибина, М. Лермонтова, И. Бунина и А. Куприна.

В повести Ю. Нагибина «Переулки моего детства» устанавливаем тип концентрической повествовательной перспективы, т.к. художественное изображение строится с опорой на личный план повествователя. Выделяем две параллели повествования – объективную и субъективную, организованные в систему противопоставлений, которые эксплицируются грамматической структурой предложений: прямой порядок слов в личных конструкциях с субъектом действия, выраженный местоименным я, несет на себе момент эгоцентричности, т.к. на всем повествовании лежит отпечаток беспристрастного отношения автора к изображаемому. Я – это целый мир, это память, это будущее. Такое утверждение складывается в результате интегральных отношений доминирующих структур повести: ядро последнего рассказа *Не надо цепляться за прошлое* («Ливень») с позиции аутентичного членения текста является темой, устанавливая с ядрами предыдущих рассказов (ремы) привативную оппозицию: прошлое – это *песни; страшное; Иван; мой первый друг, мой друг бесценный* и т.д. Лексическое наполнение темы вносит сему некоторого раздражения, что связывает данную структуру с ядром первого рассказа: *полагаться на нее* (механическую память) *никак нельзя*, т.к. *работа памяти – бессознательное, или, вернее, подсознательное творчество. Это надо твердо знать, когда берешься рассказывать о прошлом, если хочешь оставаться честным в собственных глазах*. Обобщенность субъекта действия соотносится с высказыванием с утверждением у *каждого человека есть свой угол*, которое, в отличие от содержательной структуры всей

повести, имеет метафорический смысл, опровергающий утверждение ядерной структуры последнего рассказа. «Я» из конкретного субъекта перерастает в обобщенный субъект, который становится выражением содержательно-концептуальной информации: *пока я откликаюсь углу дома в синеве и верю, что за ним – дали, и слышу их зов, я еще способен к жизни, слезам, творчеству*.

В рассказах И. Бунина образ автора выполняет текстосвязующую функцию, его небеспристрастная позиция наиболее четко прослеживается в произведениях, где повествование ведется от 1-го лица. Авторско-я, либо я героев, сливаясь в единую повествовательную систему, устраняет дистанцию между взглядом автора и взглядом героев. С другой стороны, авторско-сам устранение, или дескриптив, когда оценка событий подается сквозь призму восприятия героев, дает возможность многочисленных субъективных интерпретаций смысла произведения. Повествование от 1-го лица, или субъективированное повествование, в котором образы автора и рассказчика иногда противопоставлены, ориентирует на временной опыт повествователя, а следовательно, автора. При повествовании от 3-го лица, или объективированном повествовании временная ориентация отсутствует. Это дает основания считать повествовательную перспективу в произведениях И. Бунина вариативной.

Художественное произведение развертывается во времени. Его одномерность или многомерность, связанные с временной ориентацией повествования (рассчитанной на опыт рассказчика или персонажей), определяют особенности эмотивного времени. Особенностью произведений И. Бунина является одномерность художественного времени и упорядоченность событий. В рассказах И. Бунина, в которых повествование ведется от 1-го лица, события представлены в четкой хронологической последовательности. При этом выделяем субъективированное повествование («Антоновские яблоки», «Поздней ночью», «Туман», «Тишина», «Костер», «Море богов» и пр.) и объективированное. При субъективированном повествовании художественное время характеризуется большим разнообразием, т.к. оно позволяет отразить варьирование временных отношений на уровне всех существующих в языковой системе форм грамматического времени: например, в рассказах «Золотое дно», «Антоновские яблоки», «Древний человек» и др. основной временной план повествователя – настоящее длительное, повторяющееся; в рассказах «Поздней ночью», «Туман» и др. – прошедшее результативное и повторяющееся. При дистантной соотношенности временных планов устанавливаются ассоциативные отношения либо одновременности, либо последовательности действий. При ориентации повествования на 1-е лицо грамматические формы настоящего и прошедшего времени имеют неакциональную семантику – вневременность.

По употреблению грамматического времени их можно условно разделить на две группы: 1) обрамление предикатами в перфектном значении с семой результативности, где основной временной план – прошедшее повествовательное («Море богов», «Худая трава», «Маленький роман» и др.), и 2) обрамление текста предикатами в имперфектном значении с темпоральными семами длительного действия («Костер», «Заря всю ночь», «Крик» и др.). В связи с этим перфект становится основной формой повествования, а имперфект – основной формой описания.

В рассказе «Маленький роман» временной план повествования совпадает с внеязыковым моментом речи – «после того как». Поэтому актуальность глагольного действия определяет семантический потенциал категории времени, точнее, функции

выражения временной локализованности, различные модальные оттенки и пр. Переплетая видовременные формы глагольных предикатов, автор способствует созданию модальной экспрессии – выражению состояния безмятежности и даже счастья: *солнце скрылось; дачи были озарены и весело горели стеклами; заливался граммофон; с неба посыпался легкий, быстрый, сухой шорох, а на взгорье налево пала легкая, чуть дымящаяся радуга*. По мере развития сюжетного времени тональность повествования меняется. Смена «настроения» определяется, в первую очередь, экспрессивным синтаксисом: однородные синтаксические структуры, распространенные приложения усиливают актуализацию глагольных предикатов: *Бесконечная, изрытая равнина спустившихся облаков – целая страна белых рыхлых холмов – развернулась перед моими глазами. Вместо бездонных стремнин и скал, вместо прибрежий и заливов... простиралась подо мною эта равнина... И вся сила моей души, вся печаль и радость о той, другой, которую я любил тогда, и безотчетная радость весны, молодости – все ушло туда и т.д.* Такая актуализация акциональной семантики глагольных форм при характеристике природы несет определенную оценочно-квалифицирующую информацию о состоянии героя. Более того, природа у Бунина – это тоже художественный образ, отражающий вневременное и вечное. Поэтому употребленные настоящего или прошедшего повторяющегося, длительного, нелокализованного во времени становится грамматической формой воспоминаний писателя.

Образ повествователя у М. Лермонтова ярко представлен в повести «Герой нашего времени», где рассказ ведется от 1-го лица. И это максимально приближает повествование к моменту речи. Повествовательная перспектива художественного текста ограниченная, или концентрическая, т.к. изображение ведется с опорой на личный, субъектный план нарратора. Примечательно, что там, где рассказ ведется от лица путешественника, образ автора сливается с образом повествователя и разделить их довольно сложно.

При субъективированном повествовании, с опорой на личный план повествователя, или на «эпическое я» [2] морфологическим ядром категории времени становится взаимодействие глагольных форм, мотивированных местоименным 1-го лица. При объективированном повествовании, где рассказчик как бы дистанцируется от художественного действия («Вадим», «Княгиня Лиговская»), преобладающей глагольной формой является эпический претерит с аспектуально-темпоральными семантиками длительного, повторяющегося, последовательного действия. Такое повествование носит название «внесюжетного», или «эпически дистанцированного» [2]. Особенности их дистантного проявления заключаются в том, что, вводя одновременно в несколько пластов повествования (например, временное отношение автор – персонаж, персонаж – персонаж, повествователь – персонаж, автор – повествователь), доминантные структуры расширяют свои функциональные возможности.

Многие произведения А. Куприна как бы «освещают изнутри» (Т.Г. Винокур) повествование, т.е. передают информацию от 1-го лица, и в то же время ограничивают его: «...речь идет не о первом лице, а о личном, небеспристрастном отношении повествующего к изображаемому. Любое “я” – автора ли, героев ли – освобождает писателя от необходимости соблюдать условленную и сковывающую его дистанцию между своим взглядом и взглядом действующих в данном произведении лиц» [1, с. 55]. Таким образом, повествовательная перспектива у Куприна – всеобъемлющая, или концентрическая. Временные отношения построены как результат

взаимодействия временных планов рассказчика и автора, независимо от того, объективировано или субъективировано повествование. В итоге вариативность повествовательной перспективы формирует грамматическую структуру текста: настоящее время, совмещая описательную и повествовательную функции, актуализирует значение последовательности действия акциональной семантики («Лесная глушь», «Allez!» и др.). Выступая препозицией по отношению к прошедшему повествовательному, презентный временный план отражает перцептуальное время, в котором четко проявляется авторская позиция.

Таким образом, повествовательная перспектива художественного текста – это результат экспликации автора, рассказчика, действующих лиц, и в этом плане личное местоименное «я», давшее название с обому прозаическому жанру («IchErzählung» – повествование от 1-го лица), объясняет все многообразие форм субъективированного описания [3]. Семантические границы «я» размываются, т.к. выходят за пределы конкретного повествователя сочетания функции эпического «я» и лирического «я», а значит, расширяются историко-эстетико-временные рамки изображаемого.

Литература

1. Винокур, Т.Г. Первое лицо в драме и прозе Булгакова / Т.Г. Винокур // Очерки по стилистике художественной речи. – М.: Наука, 1979. – С. 50–65.
2. Гончарова, Е.А. Пути лингвостилистического выражения категорий автор – персонаж в художественном тексте / Е.А. Гончарова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. – 149 с.
3. Домашнев, А.И. Интерпретация художественного текста / А.И. Домашнев, И.П. Шишова, Е.А. Гончарова. – М.: Просвещение, 1989. – 205 с.

У.І. Куліковіч (г. Мінск, Беларусь)

ТЭОРЫЯ ПІСЬМА ў ПАДРУЧНІКУ «БЕЛАРУСКІ ЛЕМАНТАР, АБО ПЕРШАЯ НАВУКА ЧЫТАННЯ»

Брашуру «Беларускі лемантар, або Першая навука чытання» сучасныя даследчыкі называюць рэвалюцыйным выданнем, якое засведчыла разрыв з традыцыяй XIX ст. і стала важным грамадскім фактам ва ўмовах, калі не існавала ніводнай беларускай школы [1], першым вопытам беларускага падручніка [2, с. 134], пільная патрэба ў стварэнні якога была выклікана неабходнасцю распрацоўкі адзіных прынцыпаў беларускага правапісу ў сувязі з тым, што планавалася распачаць пастаянную выдавецкую дзейнасць [1, с. 33]. Пра гэта сведчыць і ліст Цёткі (Алаізы Пашкевіч) ад 28.6.1906 Браніславу Эпімах-Шыпілу ў Пецярбург: «Я хачу даведацца ад Вас, што чутно з букваром, ці ўжо гатоў, ці ў нас будзе фанетыка наша беларуска. Гэта вельмі важна, бо буду цяпер выдаваць папулярныя рэчы для народа, дык не ведаю, як чаго трымацца» [3, с. 215].

Выдадзены лемантар без вокладкі, на газетнай паперы ў Санкт-Пецярбургу выдавецкай суполкай «Загляне сонца і ў наша аконца» ў 1906 г. двума паралельнымі выданнямі: першае – лацінкай (ліпень 1906), другое – кірыліцай (жнівень 1906). Для таго часу, як адзначаецца ў многіх даследаваннях, гэта было адзіна правільнае рашэнне, бо такім чынам кніга была даступнай для розных пластоў насельніцтва

<i>Звагельский В.Б.</i> «Слово о полку Игоревім»: текст пам'ятника та історичний контекст	74
<i>Зуева О.В.</i> Реализация частнооценочных языковых значений в антилатинских посланиях Феодосия Печерского и митрополита Никифора	77
<i>Королевич С.А.</i> Смысловая трансформация «усеченных» паремий	81
<i>Кудреватых И.П.</i> Повествовательная перспектива художественного текста	84
<i>Куліковіч У.І.</i> Тэорыя пісьма ў падручніку «Беларускі лемантар, або Першая навука чытання»	87
<i>Леснова В.В.</i> Аксиологічні аспекти діалектного тексту	91
<i>Летючая Л.П.</i> Деривационные возможности категории оценки в русском языке	94
<i>Мампе Иоанна</i> Социометрические характеристики, релевантные для дискурсного анализа диалога	97
<i>Новгородская Н.В.</i> Пейзаж как неотъемлемая часть художественного целого в романстике Ч. Айтматова	99
<i>Тришук М.О.</i> Стилистическая роль глагольных форм в репрезентации образа повествователя в рассказе Т. Толстой «Любишь – не любишь»	103
<i>Хоронко С.С.</i> Использование библеизмов в заголовках газеты «АиФ»	106

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ПОЭТИКА И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ СТИЛЬ

<i>Абрамова Е.И., Фомина В.С.</i> Словотворчество как особенность идиостиля М. Веллера	109
<i>Барысенка В.Я.</i> Метафора ў паэтычным дыскурсе Ніла Гілевіча	112
<i>Волкава Я.В.</i> Палескія ўражання Мерчына Новака-Нехарнаўскага ў кантэкстах розных эпох	115
<i>Володина В.В.</i> Функциональная нагрузка окказиональных слов в творчестве И. Северянина	118
<i>Головачева О.А., Емельяненко О.Н.</i> Антонимы в статьях Н.С. Лескова, посвященных вопросу борьбы с пьянством	121
<i>Дегтярева Т.О.</i> Штриховой импрессионный портрет в повести-феерии А.С. Грина «Алые паруса»	125
<i>Карасени И.И.</i> Библиейские мотивы в повести А.И. Куприна «Поединок»	128
<i>Кожемьяченко Е.В.</i> Семантико-стилистические возможности слова в поэзии М. Цветаевой	131
<i>Корнач Е.Н.</i> Вставные конструкции как средство создания экспрессии в прозе Т.Н. Толстой	134
<i>Кратарська Д.</i> Мотив дома в польской литературе	138
<i>Лиокумович Т.Б.</i> Во имя расширения горизонтов белорусской словесности	147
<i>Покало А.В.</i> Особенности повествования в пьесах В. Леванова	151
<i>Саўчанка В.М., Разаўцова Г.І.</i> Стылістычная функцыя сродкаў лічбавай графікі ў паэтычным тэксте	155
<i>Трачук Ю.</i> Мастацкі вобраз п'есы «На антокалі» Францішка Аляхновіча: матывы і персанажы	159

<i>Троян-Степанюк А.А.</i> Лингвосинергетический анализ художественного пространства «Сказки о попе и о работнике его Балде» А.С. Пушкина	162
<i>Чагайда Ю.М.</i> Семантичне размеркаванне роляў паміж персанажамі аповесці В. Быкава «Жураўліны крык»	165
<i>Чурик А.А.</i> Языковая игра как ключевой художественный прием в произведении В. Пелевина «S.N.U.F.F.»	167
<i>Яковук А.</i> Фэнтэзі в современной женской прозе	170
<i>Яніцкі М.І.</i> Нацыянальна-вызваленчы пафас заходнебеларускай літаратуры: мастацка-публіцыстычны аспект	174

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

<i>Азарка В.У., Васілеўская А.С.</i> Метад праектаў як сродак фарміравання маўленчай асобы	179
<i>Акуленко Е.А.</i> Безэквивалентная лексика в языковой компетенции студенческой молодежи (на материале исконных и заимствованных лексем белорусского языка)	182
<i>Безгодова Н.І.</i> Принцип текстоцентризма у викладанні української мови (за професійним спрямуванням) на факультеті природничих наук	185
<i>Дрибська І.В.</i> Компетентностный подход к обучению языкам студентов педагогических специальностей	188
<i>Калаченко М.С.</i> Теоретический потенциал сопоставительных курсов славянских языков в системе подготовки учителей-словесников в Украине	191
<i>Козловская Л.С.</i> Кросс-культурный аспект языковой коммуникации в экономическом университете	194
<i>Кулик Е.Д.</i> Обоснование условий речевого развития учащихся общеобразовательной школы в процессе изучения словообразования (на материале украинского языка)	197
<i>Овсиенко Л.Н.</i> Основные проблемы обучения студентов филологических специальностей на основе компетентностного подхода	200
<i>Пашкевич И.А.</i> Музыкальные образы на уроках литературы	204
<i>Писарук Г.В.</i> Работа со словом в аспекте формирования лингвокультурологической компетенции учащихся: аспекты и формы реализации проекта	207
<i>Подуто Т.А.</i> «Музыкальная» лексика в составе фразеологизмов: лингвистический и методический аспекты	210
<i>Приступа Е.Д.</i> Методика изучения рассказа А.П. Чехова «Каштанка» на психолого-педагогическом факультете	213
<i>Пустошило Е.П.</i> Исследовательский проект «Речевой этикет как составляющая культуры общения» (из опыта работы студенческого научного кружка)	217
<i>Саникович И.М.</i> Анализ научно-исследовательских работ учащихся по русскому языку и литературе (по материалам XXX–XXXII городской научно-практической конференции школьников)	220
<i>Сидоренко А.В.</i> Неузальная лексика при изучении глаголов русского языка	223
<i>Шкулепа Е.В.</i> Уроки словесности как форма интегрированных уроков для развития ключевых учебных компетенций учащихся	226